

Г. Григорян

Этические взгляды армянских буржуазных просветителей второй половины XVIII века¹

Во второй половине XVIII века Армения продолжала оставаться на положении страны, давно уже утратившей политическую самостоятельность.

Под властью турецкого и персидского отсталых военно-феодалных государств Армения переживала крайний упадок в хозяйственном и культурном отношении. Феодалная раздробленность, произвол и насилие со стороны местных правителей-феодалов и их чиновников, многочисленные поборы и подати, наконец, разрушительные войны между вечными соперниками — Турцией и Ираном, которые происходили на территории Армении, и непрекращающиеся феодалные междоусобицы всей своей тяжестью ложились на плечи бесправного армянского народа и тормозили его экономическое и культурное развитие. При турецко-персидском господстве в Армении отсутствовали элементарные гарантии безопасности личности и имущества, и армянский народ находился под постоянной угрозой физического уничтожения. Эти условия вынуждали значительную часть армян покидать родную землю, переселяться в чужие края и основывать там свои колонии. В этих колониях, в сравнительно благоприятных условиях с течением времени зарождается и развивается армянская торговая буржуазия, которая призвана была взять на себя идеологическую борьбу против феодализма и сыграть большую роль в развитии армянской общественно-политической мысли.

В самой Армении турецкое и персидское государства препятствовали росту буржуазии и буржуазных производственных отношений, чем задерживалась широкая борьба, направленная против феодализма. Это обстоятельство явилось причиной того, что армянская общественно-политическая мысль с XVII века начинает развиваться вне самой Армении — в армянских колониях. Армянское книгопечатание, печать, культурные центры возникают не на армянской земле, а вне ее.

В XVIII веке, как известно, освободительное движение в Армении против турецко-персидского господства переживало новый бурный подъем.

В связи с освободительным движением второй половины XVIII века, впервые в армянской действительности зарождается армянская прогрессивная буржуазно-просветительская мысль, носителем которой явились представители армянских буржуазных слоев Индии. С этого времени армянская общественно-политическая мысль вступает в новый этап своего развития.

¹ Статья является главой работы «Из истории армянской передовой общественно-политической мысли второй половины XVIII в.».

Представителями передовой буржуазно-просветительской мысли второй половины XVIII века явились Иосиф Эмин, Шаамир Шаамирян и Мовсес Баграмян. Они находились в тесных дружеских отношениях между собой и взаимно влияли друг на друга. Их общественно-политические взгляды согласуются почти во всех кардинальных вопросах. Во многом они продолжают друг друга, выступая как представители единого общественно-политического течения.

* *

Вопросы морали, нравственности находят значительное место в трудах Эмина, Баграмяна и особенно Шаамиряна. Первая и вторая части «Западни честолубия» дают разнообразный и довольно богатый материал для анализа взглядов Шаамиряна в вопросах этики.

Вопросы морали у армянских просветителей находятся в тесной связи с общественно-политическими взглядами, с задачей освобождения Армении от иноземных властителей и создания в ней нового общественно-политического строя. Будучи выразителями интересов и чаяний поднимающейся и прогрессивной в то время армянской буржуазии, Эмин, Баграмян и Шаамирян тесно связывали моральные, нравственные вопросы с политическими задачами — с задачей освобождения родины от чужеземного владычества, упразднения там феодальных порядков и создания сильного централизованного, национального государства. Исходя из этого их этические взгляды строятся не на абстрактно-религиозных заповедях, а основываются на весьма реальных земных потребностях человека. Моральное они не определяли с точки зрения абстрактно-религиозного понимания добра и зла, оно вытекало у них из практической, из конкретной общественной пользы, разумеется, в рамках буржуазного общества.

Моральные взгляды Эмина, Шаамиряна и Баграмяна шли вразрез с феодально-религиозной нравственностью. В противоположность религиозной морали, провозглашающей высшими добродетелями смирение, кротость, покорность, всепрощение, любовь к врагу, Эмин, Баграмян и Шаамирян провозглашали высокими добродетелями борьбу против врагов, любовь к отечеству, смелость, храбрость и т. д. Отвергая христианскую проповедь непротивления злу, проповедь о терпении, они призывали армянский народ к борьбе против турецко-персидских властителей и утверждали законность и справедливость применения насилия для утверждения справедливых целей, а именно освобождения своего отечества от чужеземного ига.

Этические взгляды, как и мировоззрение армянских просветителей в целом, были направлены против основных принципов религиозной морали, против проповеди непротивления злу насилием, рабского подчинения воле господ, любви к врагам и т. п.

В противоположность религиозной этике, которая являлась авторитарной и гетерономной, представлявшей нравственные обязанности и заповеди, как повеления бога или отца церкви, — этические взгляды Шаамиряна в основном автономны, т. е. выводятся не из бога, а из самого инди-

видуума, из его выгод и интересов. Христианская этика выводит нравственные заповеди из повелений бога и призывает к обузданию естественных влечений человека, как греховных, безнравственных. У Шаамиряна мы встречаемся с совершенно противоположной этой христианской точке зрения постановкой вопроса. Этические, нравственные вопросы он выводит из реальных потребностей человека, из его естественной и разумной природы. Выведение морали из интересов самого человека, из его природы, а не из божественной воли было исторически глубоко прогрессивным явлением в период антифеодальной, антирелигиозной борьбы буржуазии на заре ее существования, как класса.

Природу человека Шаамирян представлял идеалистически, метафизически. Человеческая природа, по его мнению, является неизменной, вечной, всегда и во все времена одинаковой. Он пишет, что «человеческая природа была и остается под солнцем и на земле всегда одинаковой»¹. Естественная природа человека такова, что он никогда не может усмирить свое стремление к счастью, обуздать свои физические потребности. «Человеческая природа вечно стремится к все большему счастью и это неограниченное желание всегда находится в нашей природе»², и «никто не может обуздать свои вожделения»³. Следовательно, нравственных поступков можно достичь не путем отказа от естественных влечений человека, а путем их удовлетворения. Эта идея прямо противоположна церковно-религиозной мистике, согласно которой человек должен обуздать свои естественные потребности, отказаться от всяких мирских благ, удовлетворяться малым и т. д. Религиозная мораль этим обуславливала нравственность человека. В противоположность такому пониманию Шаамирян утверждал, что каждый человек должен удовлетворять свои потребности, свое стремление к счастью. Это вытекает из его естественной природы и вечно присуще человеку, человек имеет на это полное право и в этом нет ничего аморального, предосудительного. Но, однако, удовлетворения своих потребностей человек должен добиваться разумно, так, чтобы стремление отдельного человека к счастью не противоречило стремлениям к счастью других членов общества.

Из высказываний Шаамиряна следует делать вывод, что этот вопрос он связывал с вопросом сочетания личных интересов с общественными. Шаамирян полагал, что безущербного удовлетворения личных интересов можно достичь лишь путем сочетания личных интересов с общественными. Если этого сочетания не будет, то в обществе в целом не может быть благополучия, добродетели, справедливости и т. д. Такого сочетания можно достичь, по Шаамиряну, правильной, разумной организацией политического строя общества. В дурно устроенном общественно-политическом строе, под которым Шаамирян разумел феодально-монархический, крепостнический строй, личные интересы не сочетаются с интересами общества, так как в таком обществе царствуют не общественные законы, ре-

¹ Шаамирян, Западнн честолубия, Тифлис, 1913, стр. 30 (на арм. яз).

² Там же, стр. 29.

³ Там же, стр. 99.

гулирующие интересы отдельных членов общества, а царствуют произвол, прихоти отдельных людей, и справедливого регулирования, контроля общества над поведением каждого человека не существует. По Шаамиряну, так было, например, в Армении, когда в ней существовали феодально-монархические порядки.

Общественный интерес, по Шаамиряну, складывается путем удовлетворения личных интересов, путем предоставления личности его естественных прав, свободы действий, гарантии безопасности жизни и имущества и т. д. Но, однако, все это еще не означает, что личность, в погоне за удовлетворением своих интересов, не должна считаться с интересами других членов общества. Суть сочетания общественных и личных интересов как раз заключается в том, чтобы каждая личность считалась с интересами другого и не добивалась удовлетворения своих интересов в ущерб другому. По Шаамиряну, роль урегулирования личных и общественных интересов берет на себя государство, законы которого, учрежденные с участием общества, призваны пресекать стремления людей к удовлетворению своих личных интересов за счет других.

Таковы основные идеи первой теоретической части «Западни» Шаамиряна, когда мы рассматриваем теорию Шаамиряна об общественных законах и мудром правительстве в аспекте этики.

Во всех своих рассуждениях об обеспечении личных интересов Шаамиряна, как и подавляющее большинство буржуазных просветителей, не исходил из общества конкретной исторической эпохи. Его личность внеклассовая, не имеющая определенной социальной принадлежности.

Характер нравов, моральных принципов Шаамиряна обуславливал политическими порядками, господствующими в обществе. По его мнению, добродетельность, честность, справедливость и другие моральные качества могут развиваться и господствовать в обществе тогда, когда политический строй организован разумно. По всей первой теоретической части «Западни» красной нитью проходит та идея, что феодально-монархические порядки в Армении не давали возможности развитию моральных качеств личности и порождали у армян такие безнравственные качества, как спесь, зависть, своснравие, мстительность, леность, предательство и т. д. Моральные качества личности Шаамиряна ставит в большую зависимость от строя. Строй сам толкает или удерживает людей от добродетельных или дурных поступков. Если в Армении будут установлены такие порядки, такой общественно-политический строй, который будет руководствоваться разумными законами, то «эти наши законы... сделают нас свободными и будут воздерживать наше поведение от гордости и честолюбия, будут толкать нас к добрым делам и этим отстранять нас от злых дел»¹. Согласно Шаамиряну, с созданием в Армении мудрого правительства упразднится «злость, зависть, скупость»² и т. д. и «тогда ежедневно у нас будут появляться благородные и свободные люди, ибо

¹ *Ш. Шаамирян, Западня честолюбия*, стр. 62.

² Там же, стр. 19.

они будут сознавать в чем добро или в чем зло»¹. Шаамирян искренне верил, что разумные порядки, мудрое правительство совершенно изменяет моральный облик общества и «тогда взойдет свет нравственности, и в неугасимом огне сгорит все то, что является злом и заблуждением в нашей нации и в стране нашей армянской, и будет блистать страна своим населением и своими благородными делами и будет благословенным то время»².

Такое объяснение Шаамиряном соотношения нравов и политического строя характерно также для многих просветителей XVIII века. Так, например, Дидро пишет: «Если законы хорошие, то и нравы хорошие, если законы дурны, то и нравы дурны»³. А у Гельвеция читаем: «...от различия государственного устройства зависит любовь или же равнодушие различных народов к добродетели»⁴. Французские материалисты утверждали, что политический строй государства и его законы определяют взгляды, нравы и вкусы людей. «Законы делают все»⁵, — категорически заявлял Гельвеций.

Все мысли Шаамиряна о соотношении нравов и государственного строя, рассмотрение им нравов как нечто зависящего от политических порядков общества говорят о том, что он нравы ставил в зависимость от общественной среды, ибо политический строй не является каким-то самодовлеющим понятием, а, в конечном итоге, обуславливает, порождает определенную общественную среду. Следовательно, идея Шаамиряна о том, что нравы зависят от политического строя, равнозначна тому, что нравы зависят от общественной среды. Это является чрезвычайно важным и ценным положением, ибо носит материалистический характер. Но оно требовало своего раскрытия, необходимо было объяснить, что является основой того или иного политического строя. Шаамирян, как и просветители других стран, это связывал с сознанием людей, уровнем просвещения, то есть стоял на позициях идеализма.

Но, однако, утверждение, что нравы зависят от политического строя, было шагом вперед в теоретической мысли по сравнению с феодально-религиозным пониманием, согласно которому моральные качества человека зависят от самого человека, зависят от степени его исполнения религиозных заветов, требований святых писаний, от степени послушания отцов церкви и т. д.

Утверждение, что нравы зависят от политического строя, имеет глубоко социально-политический смысл. Оно было направлено против феодально-монархических, крепостнических порядков и требовало замены этих порядков новым общественно-политическим строем. Шаамирян полагал, что для улучшения нравов общества, для поднятия моральных качеств людей необходимо соответствующим образом изменить политический строй общества. «Если хотите быть свободными, — пишет он, — и

¹ Ш. Шаамирян. Западня честолюбия, стр. 59.

² Там же, стр. 130.

³ Дидро, Собр. соч., том II, стр. 74.

⁴ Гельвеций, Об уме, стр. 215.

⁵ Гельвеций, О человеке, стр. 335.

управлять как равные страной своей, получить почести по добродетелям вашим, уничтожать грязь беззакония и очистить совесть свою,— необходимо вам создать дом мудрости... создать для себя, силою разумной души вашей, добрые законы, по воле и желанию всего народа, а потом быть зависимым только от этих законов ваших с тем, чтобы никто не властвовал над вами, кроме законов, созданных вами»¹. Таков социально-политический вывод Шаамиряна. Этот вывод у него и его единомышленников был равнозначен требованию республиканско-демократического строя, принципы которого изложены во второй части «Западни», в конституционной программе армянских просветителей второй половины XVIII века.

Моральным поступком Шаамирян и его единомышленники считали то, что приносит пользу обществу, государству, то, что не противоречит интересам других людей. Вопрос полезности у Шаамиряна рассматривается как критерий нравственности. Исходя из этого он простого пастуха, который проявляет храбрость в своем деле, считает более нравственным, чем трусливого князя. «Иногда пастух,— пишет он,— сопротивляющийся волкам и рискующий жизнью своей во имя спасения своих овец, может быть благородней и достойней всяких почестей, чем трусливый князь, невежественный и ленивый»². Нравственным человек может быть только тогда, когда он совершает такие дела, которые приносят пользу и ему, и обществу. Критерием нравственной оценки человека являются его дела. «Каждый человек достоин почести или наказания согласно его делам»³,— говорит Шаамирян. Во второй части «Западни» — конституционной программы, где моральные нормы принимают форму закона, Шаамирян пишет: «Никто в стране Армянской не может и не имеет права претендовать на уважение, если он этого не заслуживает своими делами»⁴ (ст. 396). Многие статьи конституционной программы устанавливают, что люди, совершающие дела, приносящие пользу государству и армянскому народу, независимо от того, преследовал ли человек личную выгоду или нет, достойны похвалы и поддержки и т. д.

Такое понимание моральных норм противопоставляется той субъективной, формальной постановке, согласно которой для моральной оценки поступков человека, последствия поступка не имеют значения. Такая теория проповедовалась, например, английским моралистом Шефстбери (1671—1713), который считал, что совершенный человеком поступок, который случайно оказался полезным для общества, в то время, как мотивом его была личная выгода, нравственным считать нельзя, ибо, согласно Шефстбери, моральными являются те поступки, которые не предполагают личную выгоду. Добродетельным Шефстбери считал лишь того человека, который совершает какой-либо поступок, не думая о своих личных интересах. Если бы последствия поступка оказались вредными для общества, человек все же остается моральным, ибо критерием поведения служит

¹ III. Шаамирян, Западня честолубия, стр. 21.

² Там же, стр. 71.

³ Там же, стр. 20.

⁴ Там же, стр. 363.

намерение человека, а отнюдь не результаты, к которым приводят его поступки.

В противоположность такому субъективному и формальному критерию морали, Шаамирян критерием морали, критерием оценки поведения человека считал его полезность, такую полезность, которая правильно сочетает личные и общественные интересы.

Провозглашение общественной пользы критерием морали было направлено прежде всего против освященной церковью феодальной морали, против альтруизма, который игнорировал интерес личности.

Разумеется, что понятие Шаамиряна и его единомышленников об общественной пользе должно было носить социально-классовый ограниченный характер. В действительности она — эта общественная польза — не выходила и не могла выйти за рамки пользы для одной лишь социальной группы и выражать действительную пользу для целого общества, пользу для широких народных масс, поскольку Шаамирян и его единомышленники не предполагали ликвидации частной собственности на средства производства, а, наоборот, всячески пытались сохранить и укрепить права человека на собственность. А мы знаем, что в обществе, где сохраняется частная собственность на средства производства, следовательно сохраняется эксплуатация человека человеком, общественные и личные интересы не могут сочетаться. Следовательно, понятие общественной пользы, имело у Шаамиряна и его единомышленников классовый характер, буржуазную сущность.

Следует, однако, указать, что выступая за классовую, буржуазную мораль, за эксплуататорские отношения, Шаамирян и его единомышленники не являются сознательными защитниками эгоистических интересов буржуазии. Они верили, что порядки, мораль, проповедуемые ими, принесут общее благополучие для всех и обеспечат справедливость и равенство обществу в целом. На это указывал В. И. Ленин, давая общую оценку просветителям XVIII века.

В этических взглядах Шаамиряна и его единомышленников особое место занимают взгляды на женщину и на семью.

В истории армянской мысли Месроп Тагиадян и Хачатур Абовян впервые подняли во весь рост проблему освобождения женщины, с гневом выступив против рабского положения женщины на Востоке. Эмин и Шаамирян раньше них высказываются об этом. С негодованием говорит Эмин в своей автобиографии¹ об отношении к женщине в Азии. Он пишет, что «Обращение азиатов к прекрасному полу ни с чем нельзя сравнить, как только с обращением дьявольским». Эмин выступает с кри-

¹ Автобиография Эмина написана и опубликована им на английском языке в 1792 году, которая в 1918 году была переиздана его правнучкой с приложением собранных ею писем Эмина. Эта автобиография переведена на армянский язык и частью в напечатанном виде, частью в рукописном хранится в архиве Института истории Академии наук АрмССР под № 148. Наши выписки из автобиографии Эмина сделаны из этого переведенного на армянский язык экземпляра указанного нами дела за № 148.

² Дело 148, стр. 223, рукописная часть.

тикой рабской доли женщины; ее тяжелая, беспросветная жизнь, безвольное состояние глубоко огорчают его.

В противоположность феодально-патриархальной морали, согласно которой женщина целиком и полностью принадлежала мужу и являлась угнетенным существом, не имеющим права разговаривать с мужчинами, высказывать свое мнение, смело появляться в общественных местах и т. д., мораль Шаамиряна и его единомышленников освобождает женщину от всех этих оков феодально-патриархальной морали и берет женщину под защиту закона. Шаамирян моральным считает почтенное отношение к женщине, уважение к женскому полу. Оскорблять и унижать ее, по Шаамиряну, глубоко аморально. В своей конституционной программе мадрасцы дают женщине много прав, но, однако, Шаамирян и его единомышленники не выводят женщину за рамки семьи и не видят в ней общественного деятеля. Вся ее деятельность ограничивается несением обязанностей матери и жены. Это обстоятельство, несмотря на заявление Шаамиряна о равенстве женщины с мужчиной, фактически ставит женщину в зависимое положение от мужчины как в семейных отношениях, так и вообще.

Семья, по мнению Шаамиряна, должна создаваться на добровольных началах, при взаимном согласии женщины и мужчины (ст. 82). Отношения в семье должны быть основаны на взаимной помощи и доверии (ст. 181). Муж и жена должны помогать друг другу в построении личной благоустроенной счастливой жизни. Особенно подчеркивается роль мужа.

Семья Шаамиряна отличается от патриархальной семьи, от семьи феодального общества тем, что он брачный акт основывает на взаимном согласии обеих сторон и тем, что он предполагает формально-законное равенство мужа и жены. Согласно Шаамиряну, жена должна иметь право наследования и при случае развода жена сохраняет право на свою долю собственности (ст. 188).

Энгельс в своем гениальном труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» указывает, что буржуазная семья основана на подчинении женщины и господстве мужа и имеет целью рождение детей несомненно «законного» происхождения, чтобы они — кровные наследники могли вступить во владение отцовским имуществом: в основе буржуазной семьи лежит частная собственность. И действительно, конституционная программа Шаамиряна и его единомышленников, которая является по существу буржуазной программой, лишает права наследования незаконнорожденных (стр. 349).

Ответственность за соблюдение нравственности в обществе, ответственность за сохранение супружеской верности Шаамирян возлагает на женщину. Это доказывают многие статьи «Западни», согласно которым за супружескую неверность наказывается только женщина. Ни единого слова не говорится о том, какое наказание должны нести мужчины в таких случаях. За аморальный поступок женщина по конституционной программе должна строго наказываться.

Этические взгляды Шаамиряна на женщину и семью противоречивы. Вместе с прогрессивными, гуманистическими сторонами в них сохранились также многие элементы феодально-патриархальных представлений. Но в целом они для Армении того времени несомненно являлись прогрессивными.

Одним из основных моральных достоинств человека Эмин, Баграмян и Шаамирян считали чувство патриотизма, любовь к отечеству. Любовь к отечеству, забота о его независимости и благе есть священное, благородное чувство. Оно стоит выше личных интересов индивида. Поэтому, когда интересы родины требуют жертв, то человек не должен колебаться вплоть до принесения в жертву своей жизни. Смерть за благо родины, смерть за ее свободу и независимость есть высшая добродетель — это бессмертие.

Патриотизм Эмина, Баграмяна и Шаамиряна был порожден влиянием армянского национально-освободительного движения против турецко-персидского господства и ставил перед собой задачу освободить Армению из-под чужеземного ига и создать в ней буржуазно-демократический строй. Эмин, Баграмян и Шаамирян стремились поднять национальное самосознание армянского народа и способствовать армянскому национально-освободительному движению. Эти вопросы занимают центральное место в их патриотизме и являются его главным содержанием.

Исходя из этой главной задачи патриотизм у Эмина, Баграмяна и Шаамиряна имеет действенный, боевой характер. Патриотом для них является не тот, кто абстрактно, бездейственно желает счастья своему отечеству, а тот, кто борется за осуществление этого счастья на практике, тот, кто активно вмешивается в его судьбу, борется за прогресс родины.

Баграмян находит, что за свободу и независимость родины, за ее блага и процветание и за спасение целой нации от гибели не следует бояться жертв и если они требуются, нужно отдать, ибо, утверждает Баграмян, армянский народ в борьбе за свою независимость даст меньше жертв, чем покорно живя под господством иноземных властителей и истребляясь постепенно. Те жертвы, которые наносил и наносит враг Армении, намного превысят те жертвы, которые даст армянский народ в борьбе за свою свободу и независимость. Остаться под господством иноземных властителей — это значит обречь целую нацию, весь армянский народ на уничтожение и истребление. Исходя из этого, Баграмян предпочитает для спасения нации в целом, для национального возрождения, процветания и прогресса гибель части нации на поле битвы¹.

Примером патриотизма может служить, говорит Баграмян, патриотизм русской нации, которая отстояла свою независимость и свободу героической борьбой против иноземных властителей и их нашествий, причем в этой борьбе она не ослабла, не обеднела, продолжает Баграмян, а еще больше усилилась, стала еще могущественней.

Баграмян питает лютую ненависть к врагам своего отечества и при-

¹ М. Баграмян, Новая книга, называемая увещеванием, стр. 35 (на арм. яз.).

зывает армянский народ к решительной и смелой борьбе против турецко-персидских захватчиков. Борьбу за независимость родины Баграмян образно сравнивает с родовыми муками женщины. Как женщина, страдающая в родовых муках, увидя своего новорожденного ребенка, забывает родовые муки, так и мы, говорит Баграмян, тотчас забудем все трудности и мучения борьбы, когда воззрим нашу родину освобожденной от чужого ига.

Борьбу за свободу и независимость родины Эмин, Баграмян и Шаамирян считали справедливой, священной борьбой, ибо она ставит перед собой справедливые задачи и не преследует захватнических целей. Баграмян в своем труде «Новая книга, называемая увещанием», призывая армянский народ к национально-освободительной борьбе, пишет: «Но, читая эту мою книгу увещания, не думайте, что мы намерены захватить чью-либо власть, или что-нибудь подобное, боже упаси, мы не хотим ничего другого, а только стремимся от всей души получить наше собственное и верное наследство, утерянное нами из-за наших раздоров и лени. Мы должны и впредь увещевать всех и каждого, чтобы мудростью и мужеством отвоевать обратно то, что было утеряно по вине нашей»¹. Это говорит о том, что Баграмян делил войны на справедливые и несправедливые. Национально-освободительную войну он считал вполне справедливой и даже необходимой войной и осуждал захватнические войны как несправедливые.

Чувство патриотизма Эмин, Баграмян и Шаамирян связывали с национальным самосознанием, с национальной гордостью армянского народа. Они гордились тем, что армянский народ является одним из древних народов, имеющих свою многовековую историю и культуру. Не случайно, что любимой книгой Эмина, Баграмяна и Шаамиряна являлась «История Армении» Моисея Хоренского, которую Эмин, как он сам говорит, всегда имел при себе.

Армянские просветители второй половины XVIII в. правильно понимали, что национальное самосознание является одним из основных моментов, порождающих высокое чувство патриотизма. Они сознавали, что чувство патриотизма народа высоко, действительно тогда, когда народ знает свою историю, знаком с героическими страницами своей истории и наконец знаком со своей культурой. Ярким доказательством этого являются две главы в книге Баграмяна, посвященные истории и географии Армении, которые он сознательно включил в свою книгу с целью показа армянскому народу, что он один из древних народов, имеющих свою историю, государство с обширной территорией и богатую культуру.

Чувством горячего патриотизма насыщена вся общественно-политическая, освободительная деятельность Эмина, Баграмяна и Шаамиряна.

Эмин самоотверженно посвятил себя делу освобождения Армении от турецко-персидской тирании. В своей автобиографии он часто говорит о своей горячей любви к родине. Он пишет, что готов пожертвовать жиз-

¹ М. Баграмян, Новая книга, называемая увещанием, стр. 53.

нию и всем, что имеет, за свободу и независимость своей родины. В одном из своих писем он пишет: «Я бросил вполне спокойные условия своей жизни и подвергся бедственному положению настоящего времени, но насколько не жалею — лишь бы я смог добиться своей цели»¹. В другом письме мы читаем: «Пока во мне есть хоть искорка жизни, я приложу все старания, чтобы послужить моей родине»². «Сколько бы я ни жил, всегда буду стремиться посвятить свою жизнь служению родине»³. Правдивость этих слов подтверждается почти двадцатилетней самоотверженной, бескорыстной общественно-политической деятельностью Эмина в целях организации дела освобождения Армении. О горячей, бескорыстной любви Эмина к своей родине говорят его отрицательные ответы на ряд предложений русского и английского правительств отказаться от своих планов освобождения Армении и поступить на военную службу к ним.

Патриотами были также Баграмян и Шаамирян. Баграмян связал свою жизнь с планами Эмина об освобождении Армении, для осуществления которых он долгие годы переносил трудности и лишения вместе с Эмином. С прискорбием говорит Баграмян в своей «Новой книге» о разоренной, разрушенной Армении, об ужасных материальных и духовных условиях жизни армянского народа. Его возмущало то, что бедный армянин день и ночь вынужден думать только о безопасности своей жизни, о сохранении своего существования, работая из-за куска хлеба от зари до заката. Баграмян призывает армянский народ подняться на борьбу за освобождение от чужеземного ига. Великая слава и честь умереть за свободу и независимость своей родины, — говорит он.

Но патриотизм Эмина, Баграмяна, Шаамиряна имел, конечно, классовый характер, независимо от того, сознавали они это или нет. Выступая от имени армянского народа, они, в конечном итоге, оставались выразителями и защитниками интересов армянской буржуазии. Но их патриотизм и призыв к освобождению родины совпадали со стремлениями армянского народа.

Несмотря на то, что патриотизм Эмина, Баграмяна и Шаамиряна носил буржуазный характер, поскольку с ним связывалась задача упразднения в Армении феодальных порядков и создание в ней буржуазного общественно-политического строя, но, однако, в эпоху, когда буржуазия боролась против феодализма, против пут феодализма с его национальной и государственной раздробленностью и разобщенностью за создание национального буржуазного государства, патриотический призыв национальной буржуазии играл прогрессивную роль. Он не противоречил интересам народных масс.

Будучи оптимистами, Эмин, Баграмян и Шаамирян верили в лучшее будущее своей родины, своего народа, что является очень ценным моментом в их патриотизме. Здоровый оптимизм, вера в лучшее будущее на земле пронизывает всю идеологию армянских просветителей второй поло-

¹ Дело 148, стр. 85.

² Там же, стр. 101.

³ Там же, стр. 147.

вины XVIII века. Они сознавали, что народ не может вечно оставаться в невежестве, в нищете и в зависимости от чужих, что придет счастливый для него день. Но для этого нужно вступить в борьбу, нужно действовать, найти «средства против бедствий»¹, пока армянский народ не истреблен вконец².

Патриотизм Эмина, Баграмяна и Шаамиряна сочетается с идеей дружбы народов.

Основываясь на принципах рождения людей от природы свободными и равными, они пришли к идее свободы, равенства и независимости наций, как единиц, отличающихся друг от друга по языку, территории и религии. Одна нация, один народ не должны стремиться властвовать над другой нацией, народом, а все нации и народы должны оставаться хозяевами своей страны. С этой точки зрения армянская нация «должна быть хозяином только своей страны и не допускать, чтобы пядь чужой земли прибавилась к нашей, или нашей земли к другим»³. Из этого следует, что народы должны пребывать в братских мирных взаимоотношениях.

Лелея идею освобождения Армении и призывая армян подняться против турецко-персидского деспотизма, Эмин не питал чувства ненависти к турку или персу. Это показывает, что он был против разжигания вражды между народами. Для него все люди одинаковы, будь они армянами или грузинами, тюрками или персами, лезгинами или курдами, — все они равны под званием человека и как таковые имеют свои достоинства и недостатки. Было бы хорошо, если бы они жили, как братья, без взаимной вражды, не поработая друг друга, не убивая, не захватывая и грабя имущество другого, не ввергая друг друга в пучину нищеты и несчастий. К такому заключению можно прийти по многим высказываниям в различных главах его автобиографии. Характерны рассказы об освобождении курдов, плененных лезгинами⁴, о спасении жизни одного перса и др. Он скорбит о тяжелой, беспросветной жизни народов Персии. В одном из своих писем (1789) он пишет: «Да поможет бог и христианам, и магометанам Персии, потому что вследствие гражданских войн, продолжающихся вот уже восемь лет, после покойного хана Керима, обезлюдела вся страна»⁵.

Об уважении к другим народам, гуманизме, человеколюбию Шаамиряна и его единомышленников говорят многие статьи «Западни»⁶.

Но, несмотря на все это, понимание Шаамиряном и его единомышленниками дружбы и равноправия народов имело ограниченный характер. Это наглядно выражается в их конституционной программе во второй части «Западни», где отдельными статьями устанавливается, что в будущем

¹ Ш. Шаамирян, *Западни* честолубия, стр. 126.

² Там же.

³ Там же, стр. 139.

⁴ Дело 144, стр. 195, рукописная часть.

⁵ Дело 148, тетрадь 20, стр. 23.

⁶ См. например, статьи 121, 148, 315, 316, 324, 326, 489, 490 и т. д.

армянском государстве лишь армяне григорианского вероисповедания могут занимать государственные должности (ст. ст. 33, 204).

Эмин, Баграмян и Шаамирян, будучи представителями армянского освободительного движения, одновременно выступают с идеями освобождения всего Закавказья от турецко-персидского господства и установления братских, дружественных взаимоотношений между ними. Ярким свидетельством этого является семнадцатая статья представленного в 1786 году Шаамиряном и его единомышленниками русскому государству проекта договора¹ относительно взаимоотношений будущей, освобожденной с помощью России, Армении и русского государства. Эта статья гласит, что армяне, грузины и албанцы издавна были друзьями, связаны друг с другом крепкими узами, что русские могут помочь им, когда пожелают. «Поскольку страны и народы Армении, Грузии и Албании издавна были в единстве и поныне любят друг друга, поэтому русские в необходимый момент дав Армении 6000 своих войск, вольны также оказывать помощь албанам и грузинам сколько могут». Эта статья показывает, что Шаамирян и группа армянских просветителей в Индии стояли на позициях сотрудничества и взаимной помощи народов Закавказья, связывали вопрос освобождения Армении из-под турецко-персидского ига с освобождением всего Закавказья при поддержке со стороны великой России.

Таким образом, все вышеизложенное доказывает, что этические взгляды армянских просветителей второй половины XVIII века являются в истории армянской общественно-политической мысли прогрессивными, достойными высокой оценки.

¹ См. архив Истории Армении, изд. Аганянца, т. IV, стр. 734—737 (на арм. яз.).